

ОТ РЕДАКЦИИ

В разнообразную деятельность по производству и поддержанию того, что мы называем литературой, вовлечено множество различных социальных акторов. Детская литература исключением не является. Но, обращаясь к ее институциональной истории, убеждаешься, насколько мало мы знаем о деятельности издательств, выпускавших книги для детей, сообществ и библиотек, занимавшихся организацией детского чтения, книготорговли, профильных журналов, научно-исследовательских институтов. Выпускавшиеся в советское время и в недавнем прошлом словари детских писателей дают представление о составе литераторов, творивших для детей, однако, попытки уточнить публикаторские или рецептивные контексты их творчества обычно наталкиваются на большие нарративы о детской литературе как убежище или, напротив, пространстве педагогического и чиновничьего насилия. Точно так же история библиографии детской литературы сводится к библиографиям библиографий и практически лишена исследований о персональном вкладе конкретных библиографов в документирование детской книги, равно как и об институциональном регулировании ее учета.

Исследования, представленные в 22 выпуске «Детских чтений», разнообразны по материалу и широки по проблематике. С одной стороны, в них анализируются политические, экономические и медицинские контексты в истории детской книги. Участие парламента Российской империи в решении судьбы учебной книги для начальной школы, хлопоты медиков-гигиенистов по поводу качества полиграфии изданий для детей, масштабная панорама эволюции канона детской литературы в советское время, современные попытки непрофессиональных авторов прорваться на книжный рынок детской литературы.

С другой стороны, это изучение участия издателей детской книги (М. Вольф) и ее библиографов (О. Капица и Э. Б. Мартин) в конструировании «видимости» определенных групп произведений, в привлечении внимания компетентных взрослых потребителей к таким сегментам книжного предложения для детей, которые эксперты по тем или иным причинам решили «высветить».

В-третьих, это анализ биографических и творческих траекторий литераторов, взявшихся писать для детей. В отличие от привычных в таких случаях «фаталистских» подходов к предопределенности писательской судьбы («родился детским писателем»), авторы статей о Елизавете Разиной, Алексее Крученых и Саше Черном показывают, какие экстралитературные факторы могут стать определяющими на пути писателя к ребенку-читателю. Еще одним аспектом изучения социального контекста произведений литературы может быть анализ влияния на содержание и форму текстов индивидуальных наблюдений как профессионального (Аркадий Гайдар), так и непрофессионального авторов (Иван Гагарин).

Наконец, размышления Сергея Ушакина о (невеселой) судьбе социологии детского чтения в России, позволяють критически взглянуть на развитие социологических методов изучения детского чтения в СССР. Аннигиляция ребенка из поля зрения библиотечарей и педагогов, занимавшихся изучением детского чтения, и замещение его статистикой «спроса» и «запросов», позволяют понять специфику советской библиотечной работы с детьми, наследие которой оказалось очень живучим.

Отдельно хочется обратить внимание читателей выпуска на манифест новой организации — Европейского общества исследователей детской литературы. В известном смысле этот документ — объект будущей институциональной истории литературы для детей. В сегодняшней ситуации это начинание видится нам весьма прогрессивным, а участие в нем представляется безусловно благотворным для всех исследователей детской литературы.

Одна из задач «Детских чтений» — заполнять пустующие ячейки в мозаичном панно будущей истории детской литературы — или, выражаясь иным языком, — изучать разнообразные виды практик, характеризующих поле культурного производства литературных текстов для специфической аудитории, а также формы взаимодействия между ними. Этот номер журнала мы рассматриваем как еще один шаг в этом направлении.

Светлана Маслинская и Мария Литовская